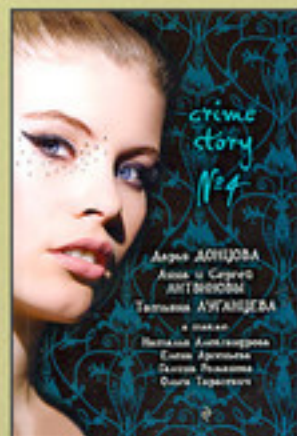

Галина Романова

Суженый к Рождеству

Часть сборника
Crime story № 4 (сборник)

Галина Романова

Суженый к Рождеству

«ЭКСМО»

2008

Романова Г. В.

Суженый к Рождеству / Г. В. Романова — «Эксмо», 2008

ISBN 978-5-457-11713-6

«— Суженый, ряженный, приди ко мне наряженный... Суженый, ряженный, приди ко мне наряженный... Пухлые детские губы монотонно, как молитву, повторяли заученные с самого утра слова. Дыхание прерывалось. Лопатки сводило от звуков нечаянно хрустнувших старых, давно не крашенных половиц. И снова девичий неокрепший голосок повторял: — Суженый, ряженный, приди ко мне наряженный... Суженый, ряженный, приди ко мне наряженный...»

ISBN 978-5-457-11713-6

© Романова Г. В., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Галина Романова

Суженый к Рождеству

Глава 1

– Суженый, ряженный, приди ко мне наряженный... Суженый, ряженный, приди ко мне наряженный...

Пухлые детские губы монотонно, как молитву, повторяли заученные с самого утра слова. Дыхание прерывалось. Лопатки сводило от звуков нечаянно хрустнувших старых, давно не крашенных половиц. И снова девичий неокрепший голосок повторял:

– Суженый, ряженный, приди ко мне наряженный... Суженый, ряженный, приди ко мне наряженный...

Сколько раз отразили невзрачные стены крохотной гостиной это заклинание? Десять, двадцать, сорок?

Старенький черно-белый телевизор, взгромоздившийся в углу на деревянную самодельную тумбочку, взирал на съезжившуюся перед зеркалом Алису пустым серым глазом. Давно вышедший из моды сервант, который отдала им из жалости тетя из Ростова (у него давно отвалилась ножка и вместо нее лежали четыре кирпича), горбился в углу. Рядом нашлось место кухонной колонке, опять же из Ростова, в которой они с мамой хранили лук, соль, сахар и макароны, когда они были. К колонке прислонился подлокотник дивана, на котором всегда спала Алиса. Дальше следовал дверной проем. Потом мамина кровать, заправленная цветастой простынкой. И последним предметом мебели в этой комнате был платяной шкаф, упирающийся антресолями почти в потолок.

Шкаф был им совсем не нужен, как всегда утверждала мама. С чем Алиса никак не могла согласиться. На полки она складывала учебники, тетрадки, две пары колготок, одну юбку и три водолазки, доставшиеся ей от дочерей тети из Ростова. Опять же там висела ее курточка, которую приходилось носить с октября по апрель. Пара латанных раз десять сапог. Да и туфли, вымыв, она всегда старалась из прихожей прятать на дно шкафа. Чтобы никто не утащил и не пропил. Так что шкаф был ей очень нужен, очень. А мама...

Последний месяц ее утверждения, что в комнате много лишней мебели, звучали все настойчивее, а взгляд становился все более алчным, когда она хлопала дверцами шкафа.

Скоро проплет, поняла недавно Алиса, когда мать начала искать место вещам своей дочери на полках кухонной колонки. Ну и пускай, поспешила она тут же не слишком расстраиваться. Пускай пропивает. Если матери шкаф не нужен, ей, Алисе, уж тем более. Зачем он ей, если она скоро, через каких-нибудь пять лет, выйдет замуж и уедет отсюда навсегда! Сейчас ей двенадцать, через пять лет, соответственно, будет семнадцать. А замуж можно выходить даже с шестнадцати, как рассказывал друг матери по застолью – дядя Саша. Главное, чтобы удачно.

– Ты, дочка, вырастешь настоящей красоткой, – утверждал он, оценивающе приглядываясь к девочке. – Как художник тебе говорю!.. Твоя красота – это твое богатство. И главное что?

– Что? – ахала в ответ Алиса, слушая авторитетного дядю Сашу, художника, во все уши.

– Чтобы ты смогла ею правильно распорядиться, вот! Не растрчивать попусту, как твоя мать, к примеру. – Нечеткий и без того взгляд дяди Саши еще сильнее мутился застарелой обидой. – Той лишь бы хвостом повертеть! С кем угодно от меня уйти готова! Кто нальет, с тем и пойдет!.. Ты не становись такой, дочка...

Она такой никогда не станет, твердо знала Алиса. И в том, что растрчивать себя и свою красоту попусту не станет, была просто уверена.

Главное было – выйти удачно замуж, вот!

Об этом и дядя Саша говорил. И мать ему то и дело поддакивала. И сама Алиса об этом всегда помнила.

– Суженый, ряженный, приди ко мне наряженный... Суженый, ряженный, приди ко мне наряженный...

Сегодня она наконец узнает, кто станет ее мужем.

– Сегодня или никогда! – воскликнул, воодушевившись идеей, дядя Саша, накрывая облезлый полированный стол куском непонятно откуда взявшейся парчи.

Водрузил поверх трехстворчатое старенькое зеркало, что давно пошло плешинами по краям. Потом поставил перед зеркалом большущую толстую свечу в алюминиевой кружке. Рядом положил коробок спичек и приказал:

– Зажжешь в половине двенадцатого. Повторяй без конца. – И он зачитал ей слова заклинания. – И внимательно смотри в зеркало. Если сильно будешь стараться, то непременно увидишь там своего будущего мужа. И потом, когда увидишь, быстро накрой зеркало тряпкой и зажмурься, иначе...

– Иначе что?!

Во время рассказа Алиса думала, что сердце просто возьмет и выпрыгнет из груди. Ей предлагалось не просто остаться одной в рождественскую ночь, чего она всегда боялась. Ей предлагалось остаться одной в сказке! В необыкновенной, чудесной сказке про прекрасное будущее. Про прекрасного мужа, который придет и заберет ее из этой сырой серой комнаты, насквозь пропахшей перегаром, табаком, плесенью от промерзающего угла и затхлостью давно не мытых тел маминих друзей.

Он спасет ее непременно! Она же хорошая, красивая, дядя Саша говорит. Учится почти на одни пятерки, невзирая на то, что учить уроки приходится почти всегда под одеялом, ведь шумят в квартире до утра. Она умеет готовить, если есть из чего. Умеет стирать и убирать. Она много чего умеет и непременно – Алиса была уверена – полюбит хорошего человека, который ее заберет отсюда к себе.

В том, что он обязательно будет хорошим, Алиса была абсолютно убеждена.

Ей не могло не повезти еще и в следующей – взрослой жизни. Она натерпелась в детстве, так? Так! Значит, вторая половина жизни обязательно должна быть счастливой! И этот человек...

Она его сегодня непременно увидит. И пусть даже он не будет красавцем. Не это главное, понимала двенадцатилетняя девочка. Главное, чтобы человек был хороший! Так и дядя Саша всегда говорил, и она так точно думала.

Она его увидит сегодня!

– Суженый, ряженный, приди ко мне наряженный... Суженый, ряженный, приди ко мне наряженный...

Она не послушалась дядю Сашу и зажгла свечу не в половине двенадцатого, как он велел, а раньше. Минут пятнадцать, наверное, двенадцатого было, когда ее трясущиеся пальцы полезли в коробок за спичками.

Воск оплывал, крохотное пламя, множась зеркалами, неровно подплясывало, Алиса послушно повторяла заговор, а он – ее нареченный – все не появлялся. У нее начало подрагивать и все плыть перед глазами, когда стрелки часов сошлись в самом верху часового циферблата теткинх настенных часов. Жутко затекла шея и спина. Хотелось пить, есть и спать. Но уйти и все бросить она не могла: верила и ждала, ждала и верила.

– Суженый, ряженный, приди ко мне наряженный... Суженый, ряженный, приди ко мне наряженный...

Алиса повторила заклинание в который раз и вдруг непростительно протяжно зевнула. Тут же отругала себя и еще раз повторила, и...

В кухне что-то негромко хрустнуло. Потом еще и еще раз. Хруст становился все отчетливее, и даже будто холодом потянуло по голым пяткам, упирающимся в ничем не покрытый пол.

– Суженый, ряженный, приди ко мне наряженный... Суженый, ряженный, приди ко мне наряженный... – Алиса повторяла все громче и громче; голос твердел: еще бы, вот оно, началось. – Суженый, ряженный, приди ко мне наряженный... Суженый, ряженный, приди ко мне наряженный...

Тень, которая возникла в зеркале, была много гуще темноты, что ее окружала. Она была плотнее, точно перемещалась с места на место и, кажется, пододвигалась к девочке.

– Суженый, ряженный, приди ко мне наряженный... Суженый, ряженный, приди ко мне наряженный... – теперь уже тихо, почти шепотом повторяла Алиса, когда поняла, что за спиной у нее и в самом деле кто-то есть.

Она пока не видела лица, оно было за тем световым пятном, которое очертило беснующееся пламя свечи. Но отчетливо проступили достаточно широкие плечи. Угадывала высокий рост мужчины, который...

– Нет!!! – закричала она истошно, когда ее нареченный вдруг вынырнул из темной завесы, на какое-то мгновение мазнув отражением своего лица по зеркалу. – Нет!!! Этого не может быть!..

Глава 2

– Лидия! Прекрати вводить меня в грех в канун светлого праздника!

Анастасия Соколова смотрела на нее с изматывающим душу спокойствием. Лиду просто убивала эта удивительная соколовская способность всегда и во всем сохранять спокойствие. С давних школьных лет, когда их дружба еще пребывала в робком зачатке, и до нынешнего двадцатитрехлетия, когда отношения окрепли и стали незыблемыми, Настя несла на своем челе печать непробиваемости. В душе ее могли бушевать вулканы, ее могли искушать демоны, сердце ее могло съеживаться от боли, лицо же всегда оставалось спокойным. Редко кто мог угадать, что Соколова расстроена. Мало кому доводилось разглядеть в ее глазах слезы. Всегда ровна, всегда поразительно сдержанна.

– Я не в блуд тебя ввожу! – возмутилась Лида.

– Не в блуд, а в грех, – поправила Соколова, схватив со стола две головки чеснока. – И прекрати возмущаться.

– А что мне делать?! Что?!

Настя подбросила в руке одну головку чеснока, следом послала вторую и с поразительно безмятежной улыбкой принялась жонглировать.

– Соколова! – возмущенно ахнула Лида. – Вот если бы я тебя не знала, наверняка подумала бы, что ты идиотка!

– Но ты же меня знаешь, – спокойно пожала плечами Соколова и, поочередно поймав головки, послала их в раковину. – Знаешь и то, что глупостей я не насоветую. А потому должна меня слушаться. Иначе...

– Иначе что?

– Иначе весь век будешь сидеть в девках, – фыркнула Настя, полоснув по больному.

Лида очень боялась остаться не замужем. От перспективы одинокой зрелости, а затем и старости ее передергивало и мутило. Когда она видела изъеденный молью бирюзовый берет и скрюченные артритом пальцы, удерживающие на поводке единственную подружку в старости – болонку, ей хотелось плакать.

– Я не хочу так, Соколова!!! – ныла она, дрыгая шикарными длинными ногами. – Я не хочу разводить к старости кошек, собак и разговаривать с утра до ночи с канарейкой!

– А чего ты хочешь? – терпеливо отзывалась верная подруга, меланхолично помешивая, к примеру, манную кашу в алюминиевой кастрюльке.

Сама-то она замуж не спешила. И в том, чтобы разводить собак и кошек, не видела ничего дурного. Они никогда не предадут, считала Соколова, пережив в жизни пару-тройку сумасшедших любовных трагедий.

– Я хочу детей! Много! – воодушевленно подхватывала Лида, охватывая руками метровый воздушный коридор, могущий означать троих или четверых потомков. – А потом столько же внуков! – Ее руки растопыривались много шире. – И чтобы шум, крик, визг в доме...

– Дом-то должен быть непременно большим? – иронично замечала Соколова и фыркала. – Конечно, можешь не уточнять. Дом нужен большой, что свидетельствует о необходимом достатке. И детей выводок на зарплату массажистки содержать сложно. Стало быть, мать, собралась ты замуж за олигарха, не иначе. А они нонче, поверь, в дефиците...

В дефиците, как оказалось, были не только олигархи. Вполне нормальные бизнесмены средней руки тоже оказались недоступны. Только Лида раскрывала рот в направлении какого-нибудь зазевавшегося, как его тут же уводили у нее прямо из-под носа. Бизнесмен средней руки только-только робко улыбнулся ей, а его уже поволокли. Как тут было не опечалиться!..

– Итак, – приступила к основным пунктам рождественского инструктажа Соколова, – Генка приедет шестого января вечером, уедет девятого рано утром. У вас будет ровно три полных дня!.. Повторяй за мной немедленно!

– Три дня, – кивнула Лида, уперлась в пластиковый подоконник кулаками и, приплюснув нос к стеклу, снова повторила: – Только три дня!

– Целых три дня, чтобы понравиться друг другу!

– Скажешь тоже! – фыркнула Лида, подмигивая нахальной синице, выталкивающей воробья с кормушки на березе. – Он-то мне априори нравится! А вот я...

– Все в твоих руках, дорогая, – хмыкнула Настя, ловко очищая чеснок от плотной чешуи, смерила подругу оценивающим взглядом и добавила со вздохом: – Ну и в ногах, конечно же!

Соколова, в отличие от Лиды, броской внешностью не отличалась. Была мелковата росточком, худосочна, с зализанными наверх рыжими волосами, с противными – как она считала – веснушками не только на щеках, но и на руках, плечах и запястьях. С непомерно высокой грудью для столь хилого телосложения, невероятно тонкой талией и крохотными – тридцать четвертого размера – ступнями.

Двоюродный брат Соколовой – Генка Вершинин, удачливый красавец и очень выгодно оказавшийся одиноким на данный момент, – всегда шутил, что сестру по ошибке собрали сразу из нескольких женщин, каждая из которых по-своему прекрасна.

– А вот сборка оказалась некорректной, – шутила обычно Соколова с кислой улыбкой.

Все ее близкие, и Лида в том числе, считали ее если не красавицей, то дамой с необычайным шармом. Но Настя этим утверждениям не верила, отчего и сеяла за собой одну любовную разруху за другой.

– Ты дура??? – орала на нее Лида, когда очередной герой-любовник бывал отвергнут по причине его чрезвычайной красоты или удачливости. – Почему?!

– Потому что он достоин лучшего, – заявляла Соколова с невозмутимым видом. И между прочим, думала так в самом деле. – Я не могу такому человеку портить жизнь. Я же – посредственность!..

На самом-то деле она была умницей. Очень симпатичной умницей. Можно даже сказать красавицей, стоило только приглядеться. Но мало у кого хватало терпения рассматривать, тормозить, заставить улыбнуться или хотя бы расплакаться. Всем нужен был фейерверк эмоций, желательно сразу и многократный. А Соколова...

Она оставалась невозмутимой, рыжей, конопатой и иногда до тошноты правильной.

– Такой и умру, – печалилась она порой, когда Лидка особо остро наседала на нее в плане устройства личной жизни. – Это тебе нужно поскорее, чтобы красота не увяла.

До увядания броской брюнетке Лиде было ой как далеко. Ни морщинок, ни седины, ни грамма лишнего веса, ни, тыфу-тыфу-тыфу, целлюлита не наблюдалось. Но она все равно спешила. Хотелось поскорее стать счастливой, замужней, многодетной, ну и... обеспеченной желательно.

– Если ты упустишь Генку теперь, когда его сердце, тело и душа на отдыхе, то я тебе этого никогда не прощу! – готовила проклятие для любимой подруги Соколова в канун Рождества. – Я не могу упустить возможность любить твоих детей, как своих племянников. И своих племянников – как детей лучшей подруги! Это же... Это же как здорово, Лидка! И экономно опять же... Так вот, приедет он шестого вечером.

– А мне надеть нечего! – выпалила вдруг Лида, отпрыгивая от окна и бросаясь к выходу. – У меня же сегодня примерка у портнихи! А я тут!.. Совершенно заболталась! Все забыла! Слышь, Соколова, если она не успеет, я твое темно-синее платье надену, так и знай!

Темно-синее платье Соколовой сидело на Лидке как хирургическая перчатка на руке – так же тесно. Оно жутко мешало движению, врезалось в подмышки и норовило порваться на груди, но Лиду, казалось, это нисколько не смущало.

– Зато сексуально! – заявила она позавчера, крутясь возле зеркала, когда перетряхнула весь свой гардероб, а потом перебралась к подруге. – Смотри, как все подчеркивает!

По мнению Соколовой, все было не так. Вульгарно. Да и сама Настя хотела надеть на праздник именно это платье, зная, как великолепно оттеняет тяжелый темно-синий шелк ее белую кожу.

Но не спорить же с подругой, которую сама же собиралась сосватать за любимого кузена. Все отдашь, лишь бы...

– Слышь, Соколова, – заорала Лида уже из прихожей. – А давай гадать станем!

– Язычество, – отмахнулась Настя, появляясь из кухни. – Совсем уже на старости лет, да?

– Во-первых, мне только двадцать два! – гневно выпрямилась Лида, застегнув сапоги.

– Двадцать три через две недели, – едко поправила ее Настя. – А во-вторых, ступай уже к портнихе, а я стану мясо мариновать. Ночь постоит, завтра с утра я его запекую, а потом вечером...

Завтрашним вечером Генка Вершинин не приехал. Позвонил, сразу начав с извинений. И сильно занят. И никак не успевает. И возможно...

Опять же не точно, а возможно, он выедет только седьмого около двенадцати дня.

– Нет, ну какой бессовестный! – осторожно возмутилась Настя, глянула на приунывшую подругу и тут же поспешила с оправданиями. – Ну, ты сама должна понимать, что такое бизнес, раз замуж собралась за бизнесмена. У них сутки раскроены вдоль и поперек. Времени совершенно нет. Никуда он от нас не денется, Лидочка. Не седьмого, так девятого придет.

– Ага, – встряла Лида, у которой уже нос начал разбухать от напрашивающихся слез. – Девятого! Девятого уже рабочий день, между прочим.

– Не переживай, – приструнила ее Настя. – Не Генку, так его друга захомуташь.

– Какого друга? – с нежным всхлипом поинтересовалась Лида.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.